

НА РОДИНЕ ТАНХУНА КАПЛАНА

Из путевых заметок «“Мишпоха” зажигает свечи»

От Жлобина до Рогачёва полчаса езды. Рогачёв – еврейский центр с многовековыми традициями. Ещё в конце XVIII века здесь умножали свой капитал 52 еврейских купца. В Рогачёве возникла одна из первых в Беларуси хасидских общин.

Но была ещё одна причина, по которой мы непременно хотели попасть в Рогачёв. В этом городе родился и провёл юношеские годы самобытный еврейский художник Анатолий Каплан. Через всю жизнь Анатолий Львович пронёс любовь к своей малой родине. Как Шагал воспевал Витебск, так Каплан – свой Рогачёв. Кстати говоря, одним из тех, кто благословил его на художественное подвижничество, был Марк Шагал. Я понимал, что напоминаю тех зарубежных туристов, которые приезжают в Витебск, чтобы увидеть город Шагала. Витебск живёт и процветает, но из шагаловского в нём осталось одно название. Так и Рогачёв только своим названием напоминает город, который вдохновлял Анатолия Каплана. И всё же я хотел попасть в Рогачев...

Анатолий Каплан. Воспоминания.

Танхум (Анатолием он стал в Ленинграде) Каплун (такая фамилия была у отца) родился в этом городке в 1902 году. Его отец держал мясную лавку (“а ятке”, как говорили тогда на идише в Рогачёве). Она досталась ему по наследству. Кормила его не маленькую семью. И должна была кормить детей.

Танхум выбрал для себя путь художника. Живя в Ленинграде и гуляя по набережным Мойки и Фонтанки, он видел Рогачёв и его жителей.

– Откуда ты берёшь персонажи для своих картин? – спрашивали у него.

– Они живут у меня здесь, – отвечал он и показывал рукой на сердце.

Когда во второй половине тридцатых годов в Ленинграде в Музее этнографии проводилась выставка художников из всех республик Советского Союза, никого не могли найти из художника Биробиджана. И тогда кто-то предложил: “Давайте выставим работы Анатолия Каплана про его Рогачёв. Все решат, что это и есть еврейская республика”. Так и сделали.

В годы войны в Рогачёвском гетто погибли все родственники Анатолия Львовича, кроме младшей сестры. Приезжать в Рогачёв художнику больше было не к кому...

Анатолий Каплан. Дом художника.

На встречу с авторами журнала «Мишпоха» пришло человек двадцать. Комната в одном из деревянных домов стала импровизированным зрительным залом.

Давид Симанович много рассказывал о Шагале, читал стихи, посвящённые художнику. Я сказал, что наши города дали миру двух больших еврейских Мастеров: Шагала и Каплана. И, увидев реакцию моих собеседников, понял, что если о Шагале они что-то слышали, то фамилия Каплан им ничего не говорит.

Я спросил: “Может быть, в городе живут какие-то дальние родственники, или те, кто знал эту семью?”. Собравшиеся посмотрели на женщину, сидевшую у дверей.

Анатолий Каплан. Рогачёв.

– Наша фамилия Каплан, – сказала она. – Но о том человеке, о котором вы спрашиваете, я ничего не слышала.

Сегодня в разных странах мира выпускаются альбомы с репродукциями работ Анатолия Каплана, выставки проходят в крупнейших выставочных залах, а в Рогачёве – городе, который вдохновлял его творчество, ничего не слышали о Мастере. Здесь это по-прежнему забытое имя.

Ничего не знают рогачёвские евреи и о другом известном земляке – поэте и драматурге Шмуэле Галкине. Это одна из самых ярких личностей в идишитской литературе советского периода. Хоть бы когда-нибудь здесь провели литературный вечер, посвящённый его памяти, вспомнили добрым словом. У него были и революционные циклы стихов, и ура-патриотические (кто из молодых поэтов не писал такие стихи в двадцатые и тридцатые годы?). Но поэт зазвучал во весь голос, как это ни странно, не в трибунных стихах, а очень личных – интимной и философской лирике. В 40-е годы Галкин активно участвовал в работе Еврейского антифашистского комитета. Был арестован, как и все его товарищи. И, наверное, разделил бы их участь – был бы расстрелян. Но помог избежать этой доли... инфаркт. Вот уж действительно, смех сквозь слёзы.

Не вина людей, что они не знают прошлого своего народа. Это их беда. Евреи вместе с другими народами СССР попали под каток, который пытался из всех сделать общность под названием – “советский народ”. Впрочем, будем откровенными: многие из нас сами залезали под этот каток...

Аркадий ШУЛЬМАН

Мудрый Каплан

В Советском Союзе художники еврейского происхождения часто в своем творчестве предпочитали не касаться еврейской тематики. Анатолий Львович Каплан был совершенно другим и человеком, и художником.

Его настоящее имя Танхум бен Леви Ицхок Каплун. Он родился в 1902 году в Рогачеве – маленьком белорусском городке на берегу Днепра. В Рогачеве тогда жило около 10000 человек, из них 6000 – евреев. Они занимались ремеслами, торговлей, садоводством и огородничеством.

Отца художника звали Лейб-Ицхок Каплун. Он унаследовал маленькую мясную лавку, где работал всю жизнь. Мать звали Соре, она воспитывала детей. В семье их было шестеро. Танхум был третьим ребенком. С детства он отличался от братьев и сестер. Любил гулять в лесу, был тихим, добрым. Никому не приходило в голову, что он когда-нибудь сможет торговать в отцовской лавке.

С шести лет Танхум ходил в хедер. Там он научился читать и писать по-еврейски. Через два года родители отдали его в русскую школу, где он успешно учился.

В это время Каплан начал рисовать. Сначала срисовывал разные картинки из книг, а потом и с натуры, особенно красиво рисовал еврейские буквы.

Его старший брат жил в Харькове, к нему часто ездил Танхум. Здесь он впервые увидел выставки картин, которые ему очень нравились. В Харькове была школа, где готовили учителей младших классов. Каплан поступил туда и окончил ее в 1919 году с разрешением преподавать рисование. Через пару лет по совету Марка Шагала, с которым Каплан познакомился в Витебске, он поехал в Петроград и поступил в Академию художеств. Его педагогами были А. Рылов, Н. Радлов, К. Петров-Водкин.

Рисовал Каплан лучше многих других, но был не уверен в себе, плохо одет, не интересовался ни реализмом, ни авангардизмом, входившем тогда в моду. Его кредо было: пусть каждый рисует то, что хочет.

Жизнь в большом городе была не дешевой, из дома помогали мало, надо было зарабатывать. Каплан рисовал декорации, писал лозунги, плакаты – все, что давало какой-то доход.

В 1924 году Петроград стал Ленинградом, а Танхум Каплун стал именоваться Анатолием Львовичем Капланом.

Он постоянно поддерживал связь с Рогачевом, его жителями. Из Рогачева в Ленинград приезжали знакомые семьи. Его мать всегда старалась прислать что-нибудь сыну, хотя он никогда ничего не просил. В 1934 году с пирогами от его матери приехала молодая девушка Евгения (Гиня) Либман. Она мечтала остаться в Ленинграде, как многие молодые люди из провинции. Каплан жил на Думской улице, в самом центре города, в большой коммунальной квартире, где не было ванной, вода в одном кране на всех в конце коридора, а кухня была у каждого своя между входными дверьми в каждую комнату. Все это не смутило Евгению, она была рада выйти замуж и остаться в Ленинграде.

Каплан слышал об ее отце, более богатом человеке, чем его родители, но славившемся дурным вспыльчивым характером, что отчасти унаследовала и

его дочь. Вместе с тем она была ему понятной, человеком из родного Рогачева. Она не спрашивала его о концертах в филармонии, как это делали девушки-ленинградки, о чем он позднее сам рассказывал. Вскоре, в 1935 году, у них родилась дочь Люба, больной от рождения ребенок. Мать постоянно ее всему учила. К пятнадцати годам Люба научилась кушать с помощью ложки и вилки, научилась сама мыться, могла говорить, немного читать и писать. Отец учил ее рисовать, но без успеха.

Анатолий Львович был добр и справедлив.

В доме Капланов всегда было очень чисто, все вещи в порядке, ничего не надо было искать. Это было заслугой их обоих.

Сестра Анатолия Львовича – Дася, жившая некоторое время под Москвой, позднее переехала с семьей в Ленинград, часто навещала брата, ухаживала за его больной дочерью. Однако жена Каплана ее не любила. На этой почве у нее с мужем были разногласия. Нужно сказать, что тяжелый характер жены Каплан переносил трудно, и говорил мне, что давно разошелся бы с ней, если бы не больной ребенок. “Я сажусь за работу и забываю обо всем, а она должна день и ночь быть с ней. Что делать?”

Позднее дочь Анатолия Львовича довольно спокойно рассказывала о смерти отца, еще позже и о смерти матери. Любит она только кошек. До сих пор живет на даче Каплана в Мельничном Ручье под Санкт-Петербургом. Ухаживает за ней семья, которой теперь принадлежит эта дача. У нее есть опекун, владеющий большей частью наследства Анатолия Каплана.

В отличие от многих, приехавших из провинции в Ленинград, Каплан не только любил, но и гордился своей родиной – маленьким городком с узкими улочками и бедными домишками. Он помнил своих соседей и с удовольствием рассказывал о них. Окружавшие его художники часто спрашивали: “Где ты берешь свои персонажи, Толя?” Он удивленно отвечал: “Я нигде не беру их, они всегда здесь, со мной”.

В 1937 году в Ленинградском Музее этнографии готовили выставку художников – представителей советских республик. Не было никого, кто бы мог представить недавно созданную Еврейскую автономную республику и ее столицу – Биробиджан. Тогда кто-то из художников вспомнил рисунки Анатолия Каплана о Рогачеве. Они должны были стать достойной заменой. Но требовалась техника литографии, общая для всех. Каплан о ней ничего не знал. Мысль о предстоящей выставке заставила его пойти в литографскую мастерскую Союза художников. Он начал работать на камне. До поздней сидел в мастерской, его даже прозвали “мучителем камня”. Он пробовал различные техники: тер, чернил, замазывал камень тушью, скоблил, царапал его разными инструментами, добиваясь максимальной выразительности рисунка. “Мучитель камня” победил его и стал впоследствии всемирно известным графиком.

Всю свою жизнь Анатолий Львович Каплан работал очень прилежно. Ежедневно он садился за стол в 8 утра и работал 5–6 часов. Потом шел на прогулку. Вечерами много читал. Любил гостей. Охотно показывал свои работы и ждал их оценки. Был очень скромным и не очень уверенным в себе

человеком и часто повторял: “Это у меня плохо получилось? Как Вы думаете?”.

Сохраняя свою любовь к родным местам, Каплан полюбил Ленинград сначала как художник – с восхищением, а позднее как неотъемлемую часть своей жизни. Его цикл литографий, посвященный Ленинграду, тоже очень каплановский, не похож на общепринятое изображение этого города. Много листов посвящены Летнему саду, который Каплан очень любил. Правда, он не хотел принимать новых районов города, не хотел туда ходить, ежедневно гулял в любимых местах – между Русским музеем и Эрмитажем, по Мойке, и часто сидел в саду за Русским музеем, где назначал встречи с друзьями.

Во время Великой Отечественной войны Анатолий Львович эвакуировался с семьей на Урал. Там работал учителем рисования в школах, в 1944 году, оставив семью на Урале, вернулся в Ленинград. Работы не было. Он не отказывался ни от чего: писал лозунги, объявления, плакаты. Наконец, получил жилье: две маленькие проходные комнатки в большой коммунальной квартире, во втором дворе дома № 8 по улице Чайковского.

Все родственники Анатолия Львовича, кроме младшей сестры Даси, погибли вместе с другими евреями Рогачева во время фашистской оккупации. Об этом Каплан узнал, когда приехал в Рогачев сразу после войны.

В послевоенные годы творчество Анатолия Каплана довольно широко стало известно в Германской Демократической Республике. Отчасти потому, что там сумели оценить его мастерство, отчасти – от желания немцев искупить свою вину перед евреями. Через консульство ГДР в Ленинграде к нему приходили многие деятели искусства. Они восхищались его работами. В Германии стали писать о нем, издавать книги о его творчестве.

С Капланом меня познакомил родственник моего мужа Саня Разумовский. Он общался с художниками, заметил скромного и милого человека, который почти никого в Ленинграде не знал, но хотел дружить с хорошими людьми.

Анатолий Львович был мужчиной среднего роста, близорукий, с осторожной походкой; скромно одетый. Он говорил медленно, но удивительно грамотно, правильно по-русски.

Нужно еще сказать, что Каплан очень любил шутку, легко включался в шуточный разговор, умел и любил шутить.

Но никогда не прерывал своей работы. Не отвлекался от нее почти ни по какому поводу. Законченные работы любил показывать друзьям. Настоящие знатоки искусства открывали в работах Каплана их секрет – честность и глубину чувств, которые он умел выразить с присущей ему силой и самобытностью.

Нашему дальнейшему общению с Капланом помогло и мое знание немецкого языка. К Каплану часто приходили немцы, интересующиеся искусством. Он дарил свои работы гостям, они увозили их в ГДР. Довольно быстро литографии Каплана начали помещать в немецких журналах, позднее и в книгах. Можно сказать, что Каплан заставил немцев читать книги Шолом-Алейхема, которые они переводили, печатали с иллюстрациями Каплана. Так,

в ГДР вышли несколько изданий “Касриловки”, “Заколдованного портного”, “Козочки”, “Тевье-молочника”, “Стемпеню”, а также “Песня песней” и вариации на эти темы.

Каплан говорил мне, что сначала хотел назвать свой первый цикл литографий “Рогачев”, но подумал, что это будет нескромно, неудобно перед Шолом-Алейхемом. Так и оставил известное еврейское название “Касриловка”. В этом сказалась известная всем скромность Каплана.

Знаменитое издательство “Insel” заказало Каплану иллюстрации к книге Готхольда-Эфраима Лессинга “Натан мудрый”. Карандашные рисунки оказались очень удачными, с тех пор Каплана многие стали называть в Лейпциге Каплан мудрый.

Особенно ценил Анатолий Каплан мнение Рудольфа Майера из издательства “Кунст” в Дрездене. Майер часто приезжал, привозил к нему гостей из разных стран. Так он привел к художнику Эрика Эсторика, владельца галереи в Лондоне. Эсторик собирал графику во многих странах мира.

Когда Эсторик впервые пришел к Каплану, на улицу Чайковского, он многого не мог понять: почему в комнату надо идти через кухню, почему на кухне стоят пять столов и на каждом керосинка, почему в коридоре на стенах висят велосипеды и ванны, почему Каплан не может выйти на улицу вместе с женой (у них на двоих было одно пальто) и многое другое.

Эсторик купил у Каплана цикл литографий, сделанных по мотивам романа классика еврейской литературы Шолом-Алейхема “Заколдованный портной” и еще отдельные листы. Все это было приобретено через «Международную книгу», монопольную государственную организацию, продававшую печатную продукцию за рубеж. Сам автор не имел права что-либо продавать. За свои работы Анатолий Каплан получил 1/13 часть суммы, да и то в рублях, хотя Эсторик платил в фунтах стерлингов.

Цикл литографий к “Заколдованному портному” Анатолий Каплан представил на обсуждение в Ленинградское отделение Союза художников. Большинство отзывов были отрицательными. Такого там не ожидали увидеть. И тема, и форма изображения были непонятными. Каплан не спорил, он сказал: “Я нарисовал, как сумел. Пожалуйста, посмотрите”. Многие говорили, что персонажи странные, ни на что не похожие, картины неудачные. Только несколько человек не согласились с общим мнением и отметили их высокое качество. Игорь Иванович Ершов сказал: “Среди нас находится большой мастер, который будет жить и после своей смерти. Мне кажется, что мы присутствуем при важном событии в искусстве художников Ленинграда”.

Но так в России думали не многие.

Интенсивная работа художника в технике литографии длилась около трех лет. За это время он создал много произведений, наиболее известные из которых “Касриловка”, “Заколдованный портной”, “Воспоминания о Рогачеве”, “Тевье молочник”, “Стемпеню” и другие. Позднее Каплан несколько раз возвращался к литографии, хотя ему это уже было трудно по возрасту.

В Союзе художников Каплана ценили немногие. Он стоял в стороне от всех. Его работы редко брали на выставки, что его, конечно, огорчало. Однажды, в

1970 году, к столетию В. И. Ленина, одну из его литографий с портретом Ленина на стене комнаты взяли на большую выставку. Но вскоре вернули, так как там были красивые декоративные еврейские буквы, значения которых никто не понимал.

В творчестве Каплана есть кажущиеся противоречия: с одной стороны естественность, простота, откровенность изображения, с другой стороны – определенная скованность, традиционность, привязанность к давним обычаям. Однако во всех работах художника побеждает необыкновенная выразительность, доступная только большому таланту.

Основные черты творчества художника проявились с самого начала и сохранялись постоянно. Мы видим их в образах его детства, во всех фактах его биографии, а также при изображении событий новой жизни, нового времени. Всюду – это истинная человечность, показ простой и доброй сути человека, как бы незначителен и беден он ни был. Каплан показывает нам маленький городок с темными домишками, узкими улочками, едва освещенными луной. Художник как бы поет нам нехитрые песни своего детства. Но уже и в ранних литографиях, а позднее все чаще, можно увидеть движение цвета, неровный свет свечей, колебания лунного света. Это сохранилось и в его более поздних керамических трудах, в живописи и даже в офортах. Свет и тень занимают большое место в работах художника.

...Мать зажигает свечи в пятницу вечером и по всем праздникам.

...При новой луне евреи выходят с молитвой на улицу.

...Чаще всего свадьбы празднуют при луне. Считается, что при полной луне будет полное счастье.

Все это мы видим в работах Анатолия Каплана. У него это не столько моменты религии, сколько факты его бытия, часть его собственной жизни.

Каплан пережил падение царизма и становление Советской власти в Белоруссии.

В Рогачеве поставили памятник убитому комиссару. Его Каплан нарисовал впервые в 30-е годы, а позднее несколько раз возвращался к этой теме в керамике, пастелях и даже в поздних офортах. Привязанность Каплана к мотивам его биографии, к жизни местечка помогла ему избежать общепринятой моды – рисовать вождей-коммунистов и достижения Советского Союза.

В его искусстве никогда не было и доли приспособленчества. Он как бы перекинул мост от своего детства во вторую половину XX века. Не зря великий Шагал, приехав в Ленинград, в ответ на вопрос о Каплане, поднял вверх большой палец и с гордостью говорил о нем, как о своем младшем соратнике.

В 70-х годах Каплан много и успешно занимается керамикой. Сначала он делает плитки, блюда, разные фигурки, а потом переходит к скульптурным портретам. Прочитав “Мертвые души” Гоголя, он делает скульптуры всех действующих лиц повести. Каплан рассказывал, что все они как бы проходили перед ним, и вскоре на столе в большой комнате стояли тридцать семь скульптур.

Директор Русского музея Л.И.Новожилова непременно хотела приобрести их. Но у музея, как всегда, было мало денег. Каплану музей предложил за все

3000 рублей. Это было просто унижительно. Но не отдать работы Русскому музею тоже было жаль. Тогда мудрый Каплан продал музею за эту сумму одну скульптуру – Чичикова. Остальные он им просто подарил. Серия не была разрознена, и художник не был обижен. За этот подарок Анатолий Каплан получил от Музея письмо благодарности.

Нужно проследить творческий путь Каплана от рисунков, первых литографических циклов, керамики до необыкновенно выразительных и скупых по форме офортов, чтобы понять, как смог этот скромный, во многом наивный человек, так адекватно перенести свои скульптурные фигурки в сложный мир гоголевских героев, так близко подойти к их сущности. Не образование и не стремление к иллюстрации, а только талант большого художника и душевная целостность Каплана позволили этому тонкому человеку перенести себя в мир Гоголя. Мы должны быть благодарны и Гоголю, и Каплану за то, что и мы хотя бы на время можем войти в этот мир добра и зла непростой человеческой души.

Каплан понимал, что давно заслужил персональную выставку работ в Ленинграде, но при его жизни этого не случилось. Поэтому он постоянно хотел слушать перевод отзывов на свои выставки в Германии, хотел слушать их по многу раз и, стесняясь, хитрил: “Пожалуйста, переведите мне это место еще раз, я плохо понял”. Когда он читал отзыв, напечатанный на машинке, он радовался как ребенок и хвалил машинку – какая прекрасная машинка, как красиво и ровно она пишет.

Много раз Каплан ходил в филармонию на концерты Шостаковича. На афише было странное название: “Шостакович. Песни из цикла”. Цензура сняла слова, о каком цикле идет речь (Из цикла “Еврейской народной поэзии”). Каплан не пропускал эти концерты и сделал одиннадцать офортов по этой теме. Позднее он сделал титульный и заключительный листы и послал весь цикл Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Композитору понравились работы Анатолия Львовича Каплана, он их часто хвалил и показывал друзьям. Он пригласил художника в свою ложу в филармонии и сказал ему о высоком качестве офортов. Каплан позднее часто рассказывал о свидании с Дмитрием Шостаковичем, восхищался композитором, но никогда не упоминал о своих работах.

Художник хотел, чтобы его работы были описаны в книгах. В Германии о нем много писали, но на русском языке о нем появилась только одна книга: Б. Д. Сурис. “А. Л. Каплан”, 1972.

Это тоже было непросто. Набор книги долго лежал, говорили, что нет бумаги. Несколько раз его рассыпали, набирали снова. В конце концов, его увез в ГДР Рудольф Майер и издал там книгу на русском языке.

Первая крупная выставка работ Анатолия Каплана была после его смерти: состоялась в 1989 году в Лейпциге. Она пользовалась большим успехом, повлекла за собой много выставок его работ в разных городах Германии, а также издание многих книг с его картинами.

В 1990 г. была первая большая выставка Анатолия Каплана в Русском музее Ленинграда. Посетители удивлялись мастерству художника, его верности выбранным темам.

После смерти художника в Ленинградском манеже была выставка “Художники Ленинграда”. Вдова Каплана передала туда шесть литографий из серии “Ленинград после блокады”. По окончании выставки специальная комиссия отобрала для музеев страны лучшие работы. Было взято сорок работ, из них шесть литографий Каплана.

В наше время имя Анатолия Львовича Каплана называют в числе лучших графиков мира, его работы выставляют во многих странах.

Лия СТРОДТ